

Елена
Михалкова

Кто
удивца,
миссис
Норвиги?

Елена Ивановна Михалкова

Кто убийца, миссис Норидж?

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957075

*Михалкова, Елена Ивановна Кто убийца, миссис Норидж?: [Сб. рассказов] : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078861-3*

Аннотация

Благопристойные английские поместья напоминают глубокие озера с темной водой. Что скрывается там, за невозмутимой гладью? Твердое надежное дно или коварные омуты, мелкие безобидные рыбешки или страшные зубастые чудовища?

Твердость духа, незыблемые принципы и типично английское чувство юмора помогают Эмме Норидж блестяще разрешать загадки, которые подбрасывает ей жизнь. Берегитесь, господа – гувернантка выведет вас на чистую воду!

Это сборник потрясающих рассказов, посвященных расследованию английской гувернантки Эммы Норидж.

Содержание

Восемь принципов миссис Норидж	4
Роб Хэмиш, трус	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Елена Михалкова

Кто убийца, миссис Норидж?

Восемь принципов миссис Норидж

Эдвард Кендел откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе и с любопытством взглянул на гувернантку.

– Ну-с, миссис Норидж, расскажите немного о себе.

Перед ним сидела высокая сухопарая женщина лет сорока с очень прямой спиной. Твердый подбородок выдается вперед, губы плотно сжаты, вид бесстрастный. «Суровая дама», – одобрительно подумал мистер Кендел. Возможно, Люси правильно сделала, что наняла ее.

– Я имею в виду не биографию, – уточнил он. – О чем-нибудь важном для вас.

Гувернантка ненадолго задумалась.

– Я бы сказала, сэр, у меня есть принципы.

– Принципы? Что ж, отлично! Рад это слышать. В наше время не так-то просто встретить человека с принципами. Не то чтобы я хочу сказать, будто все вокруг беспринципны, но людям не хватает твердых этических правил!

Миссис Норидж, не моргнув глазом, выслушала эту пыл-

кую речь.

Слегка успокоившись, Эдвард Кендел придвинул к себе чашку с чаем.

– Так что же с вашими принципами?

– Их восемь, сэр.

– Любопытно, любопытно!

– Во-первых, выпивать на ночь стакан теплого молока. Во-вторых, съедать утром яблоко. В-третьих, каждый день читать хотя бы одну главу из книги. В-четвертых, никуда не ходить на голодный желудок...

Мистер Кендел смотрел на Эмму Норидж со все возрастающим изумлением и наконец не выдержал:

– Послушайте, но разве... Простите, я хотел сказать – какие же это принципы? Это обычные правила!

– Правила, которые соблюдаются неукоснительно, становятся принципами, – спокойно возразила гувернантка.

Мистер Кендел так разволновался, что выпил залпом полчашки горячего чая.

– Но принципы – это нечто значительно большее, чем молоко! Например, альтруизм. Вам знакомо бескорыстное служение ближнему?

– Я предпочитаю служить ближнему за строго оговоренную плату, – сухо сообщила миссис Норидж.

– Ох, боже мой... Ну хорошо, а стремление содействовать всеобщему благу? «Что ни сделаю, все на пользу обществу!» – продекламировал он. – Разве не прекрасно?

– Не вижу, чем это существенно отличается от моего ежедневного яблока.

Мистер Кендел поперхнулся чаем.

Гувернантка сочувственно посмотрела на него и сочла нужным развернуть свою мысль:

– Я регулярно покупаю фрукты, следовательно, этот принцип стимулирует развитие сельского хозяйства. А съедая утром яблоко, я сохраняю собственное здоровье, что, несомненно, наилучшим образом отзывается на системе нашего здравоохранения. Ведь оно долго еще не будет иметь со мной дела.

Мистер Кендел издал звук, похожий на кваканье. И некоторое время молча сидел, таращась на нее.

Миссис Норидж вежливо ждала, пока он найдет новые аргументы. Но поскольку минуты шли, а мистер Кендел по-прежнему походил на жабу, оглушенную камнем, она хладнокровно осведомилась:

– Так когда я могу приступить к работе, сэр?

Две недели спустя

– Поридж! Миссис Поридж! Поридж! Миссис Поридж!

Роза, Милисент и Норман влетели в столовую, толкая друг друга и хохоча.

– Дети, дети! – остановила их мать. – Не смейте называть миссис Норидж овсянкой!

– Но она похожа на овсянку!

– Такая же пресная!

– Такая же холодная!

– И от нее невозможно избавиться, – пропищала младшая девочка.

– А вы хотели бы от нее избавиться? – удивилась Люси Кендел.

– Не-е-ет! – хором выкрикнули все трое.

– Пусть и дальше мучает нас примерами, – великодушно добавил мальчик.

Люси наклонилась к мужу:

– Я же говорила, – шепнула она ему на ухо. – Она их околдовала. Даже Норман бежит за ней по пятам.

Не отрываясь от утренней газеты, Эдвард фыркнул:

– Не понимаю, чем это объяснить. Она невозможная чудачка! Что бы ни случилось, лишь хмыкает в ответ. И чопорна, как королева. В ее присутствии меня вечно тянет выпрямиться и втянуть живот.

– Тебе бы это не помешало, – с улыбкой сказала миссис Кендел и поднялась навстречу вошедшей гувернантке. – Доброе утро, миссис Норидж!

За завтраком мистер Кендел начал читать почту и вдруг издал леденящий душу стон.

– В чем дело, дорогой? – встревожилась Люси.

– Полли Парсонс пишет, что собирается приехать на мое сорокалетие! – простонал Эдвард.

– Твоя тетушка Полли? Но это же замечательно! Ты сам говорил мне, что двадцать лет ее не видел.

– И с радостью не видел бы еще столько же. Как вспомню ее пенсне, кривые зубы и неизменного английского бульдога возле юбки, так мурашки бегут по коже. А эти вечные проповеди! Она даже путешествовать отправилась лишь затем, чтобы нести всем свет истины.

– Где она сейчас?

– В Индии, – уныло ответил Эдвард. – Вернее, мчится отсюда в Англию на всех парах. Как будто мало мне будет визита брата.

Миссис Норидж удивилась:

– У вас есть брат, мистер Кендел?

Дети захихикали.

– Норман! Милисент! – строго призвала их к порядку гувернантка.

Эдвард махнул рукой:

– Наши отношения ни для кого не секрет. Отец включил в завешание пункт, по которому я могу выделять Дэвиду содержание, если посчитаю нужным. Но при условии, что он будет являться за деньгами лично. Отец надеялся, что таким образом я смогу контролировать его. Если бы не этот пункт, я бы вряд ли удостоился счастья видеть своего непутевого брата.

– Эдвард! – укоризненно воскликнула миссис Кендел и с улыбкой обратилась к гувернантке: – Не слушайте его. Дэ-

вид, конечно, шалопай, но они с Эдвардом любят друг друга. Я бы сказала, Дэвид из тех людей, которые полезут через забор, даже если рядом есть калитка.

– Шалопаем можно быть в двенадцать лет, – проворчал ее муж. – А в тридцать пять это уже неприлично. Но ничего, на этот раз у меня для него кое-что приготовлено.

Люси Кендел покачала головой:

– Ты не уговоришь его жениться на Дороти.

– Это мы еще посмотрим!

Норман вскочил и обежал вокруг стола:

– Дядя Дэвид будет учить меня стрелять из лука!

Он повис на шее отца:

– Папа, а покажи свои ружья!

– И мне, и мне! – поддержала Милисент.

Эдвард нахмурился:

– Ну что за глупости?

– Но миссис Норидж не видела твою коллекцию, папочка!

– В самом деле? Разве я не показывал вам мои ружья, миссис Норидж?

– Увы, нет, сэр.

С самым равнодушным видом, который он только мог на себя напустить, мистер Кендел спросил:

– Не хотите ли взглянуть?

– С удовольствием.

Люси Кендел сдержала улыбку.

В своем кабинете мистер Кендел отдернул штору на стене, и за ней обнаружилась узкая металлическая дверь с кодовым замком.

– Обратите внимание – последнее слово техники, – похвастался он. – Комбинация цифр известна только мне.

Эдвард быстро нажал несколько кнопок, замок щелкнул, и дверь распахнулась.

– Прошу вас, миссис Норидж.

Дети, войдя в оружейную, благоговейно притихли. На стенах в застекленных шкафах висели ружья – начищенные, сверкающие благородной сталью. Мистер Кендел с гордостью обвел рукой свою сокровищницу:

– Я хочу собрать коллекцию ружей из всех стран, где их только производят.

Он открыл стеклянную дверцу.

– Вот эти два – из Германии. Великолепные образцы!

– А это, мистер Кендел? – спросила гувернантка, указывая на узкий ствол со странными значками на ложе.

– Японское. Купил его по случаю для коллекции. Таких существует всего пять штук, они сделаны известным мастером.

– Должно быть, это большая ценность, сэр?

– О, вовсе нет. Японцы не большие специалисты в оружейном деле. Удивительный народ: даже к ружью они ухитрились приложить многостраничную инструкцию – на своем языке, разумеется. Вы можете себе представить – руковод-

ство по использованию ружья!

Недоуменно качая головой, Эдвард Кендел повесил оружие на место.

– А вот эта красавица не чета той поделке. Кремниевое турецкое ружье! Взгляните, миссис Норидж, не стесняйтесь! А вот аркебуза: золоченая мушка, резная ореховая ложка с граненым прикладом, костяная резьба... Смотрите, как подогнаны пластинки.

– Это, кажется, сцены из охоты богини Дианы, – заметила миссис Норидж, приглядевшись к резьбе.

– Возможно, – согласился Эдвард, не проявив особого интереса. – Колесцовый прижимной замок – вот что любопытно! Видите ли, в аркебузах подобного типа...

Миссис Норидж вздохнула про себя и отдалась на волю providения.

Провидение, однако, было к ней благосклонно: каких-то десять минут спустя мистера Кендела позвали.

– Я расскажу вам об этом в другой раз, – пообещал он, с видимой неохотой прервав свою речь.

– Надеюсь на это, сэр, – солгала миссис Норидж, не моргнув глазом.

Две недели спустя гость, которого так страшился мистер Кендел, пересек порог его дома.

– Почему меня никто не встречает? – скандальным тоном спросила тощая сутулая дама, окинув гостиную возмущен-

ным взором.

На носу дамы криво сидело пенсне, на подбородке торчали две бородавки, возле ног пристроился хмурый белый бульдог. В одной руке дама сжимала дорожную сумку, в другой – томик Библии.

– Тетушка Полли! – с фальшивым воодушевлением воскликнул Эдвард, спеша ей навстречу. – Бог мой, какая радость!

Мисс Парсонс гневно уставилась на него.

– Я полагала, твоя семья выстроится у дверей, чтобы приветствовать меня. Какой недружелюбный прием!

– Но тетя Полли! Мы не знали, когда вас ждать.

– Это тебя не оправдывает, – отрезала пожилая дама. – Я вижу, ты все так же бестолков. Твоему отцу следовало лишиться наследства не только твоего младшего брата, но и тебя. И передать его кому-то, кто мог бы распорядиться деньгами с умом и добродетелью!

Она горделиво повела подбородком, так что сразу становилось ясно, кто этот умный и добродетельный человек. Затем сунула племяннику сумку, вручила поводок и двинулась в глубь дома, недовольно бормоча.

Люси Кендел подошла к мужу.

– Кажется, я понимаю, почему тетушка редко приезжала к вам с Дэвидом, – тихо сказала она, провожая взглядом сутулую фигуру.

– Отец ее терпеть не мог, несмотря на то что она его двою-

родная сестра и единственная родственница. Когда мне было чуть меньше двадцати, она уехала из Англии, и все вздохнули с облегчением.

Подбежавшая Милисент прильнула к матери.

– Надолго к нам тетушка Полли?

– Полагаю, на неделю, милая. Как раз до папиного дня рождения.

– А завтра прибудет твой любимый дядя Дэвид, – напомнил Эдвард.

Но когда миссис Норидж с Милисент отошли, девочка сказала, насупившись:

– Я вовсе не люблю дядю Дэвида. Он хоть и веселый, но злой.

Веселый и злой Дэвид оказался обаятельным загорелым мужчиной с белоснежными зубами, часто обнажающимися в улыбке. Эдвард Кендел был широкоплеч и основателен, Дэвид – тонок и высок. Миссис Норидж поняла, почему Люси заступалась за него: такие мужчины, как Дэвид, для нее всего лишь озорные мальчишки.

Но проказы мальчишек не всегда бывают безобидны.

Гувернантка мало говорила, но много подмечала. Из фраз, которыми обменивались мистер и миссис Кендел, она поняла, что в юности Дэвид не питал особого уважения к закону. Подделанные чеки отца, взломанные ящики, карточные долги, беспорядочные связи с женщинами... Разъярен-

ный мистер Кендел-старший в конце концов наказал беспутного младшего сына.

Но в свои тридцать пять лет Дэвид по-прежнему был весел и беззаботен. Последние полгода он путешествовал по Италии на деньги брата и, по убеждению Эдварда, впустую прожигал жизнь.

Чтобы наставить Дэвида на путь истинный, старший брат задумал женить его. Но найти подходящую супругу для человека, лишенного наследства, оказалось не так-то просто. Четыре месяца матримониальных исследований – и Эдвард наконец обнаружил среди девиц, засидевшихся в невестах, такую, которую не отпугивало прошлое младшего Кендела.

– Персиваль Уокер? – в ужасе воскликнул Дэвид. – Ты пригласил священника?!

– Священника и его сестру, – уточнил Эдвард. – Дороти Уокер – отличная партия.

– Ты забыл добавить – для самца трески.

Эдвард побагровел, но сдержался. Сосчитав про себя до десяти, он сказал:

– Она милая неглупая девушка. И у нее много других достоинств.

– Например, умение многозначительно молчать целыми часами и возводить очи к небу с таким видом, будто она села на булавку, но вынуждена терпеть. Перестань, Эдвард! Я отлично помню Дороти. Она бледная снулая рыбина, и ее бра-

тец точно такой же. Если хочешь, держи их в своем садке, но не думай, что и я буду барахтаться с ними.

– Черт возьми, ты будешь делать то, что я тебе скажу! – вспыхнул Эдвард. – Я не прошу тебя немедленно бежать с Дороти под венец. Но ты можешь присмотреться к ней? Поговорить? Неужели это так много?

Несколько секунд Дэвид смотрел на него жестким пристальным взглядом. Затем внезапно сдался:

– Хорошо, если ты этого хочешь.

И вышел из комнаты.

Эдвард мысленно поздравил себя с успешным завершением непростого разговора. Но в глубине души ему было не по себе. Судя по тому, как быстро Дэвид пошел на попятную, он что-то задумал.

А все, задуманное Дэвидом, было чревато серьезными неприятностями для остальных членов семьи.

– Гастон, моя крошка! – ворковала тетушка Полли, присев на корточки перед бульдогом и пичкая его печеньем. – Ну, ну, моя детка, не отворачивайся от мамочки!

На морде бульдога были написаны тоска и отвращение.

– Тетушка Полли, он не хочет! – сказал Норман.

– Мисс Парсонс лучше знает, что нужно ее собаке! – тут же вмешалась Дороти Уокер.

– Благодарю вас, милая, – любезно сказала пожилая дама. – Вы совершенно правы: я лучше знаю.

Но тут бедный Гастон, потеряв терпение, вскочил и бросился наутек.

– Ловите его! – закудахтала тетушка Полли. – Ловите!

Священник с сестрой, медлительные и неловкие, одновременно вскочили, кинулись за псом и столкнулись в дверном проеме. В них врезалась тетушка, и пока все трое бились в дверях, бульдог во всю прыть улепетывал к калитке.

Норман прыснул, и даже Люси Кендел не смогла сдержать смех.

– Этот пес постоянно от нее удирает, – раздраженно сказал Эдвард. – И вообще он крайне неприятное животное. Вчера я обнаружил его разлегшимся на моих домашних туфлях. Кажется, скоро он будет расхаживать по дому в моей пижаме!

После долгой суеты беглеца изловили и торжественно привели обратно. Запыхавшейся и хромающей мисс Парсонс сестра священника заботливо подложила подушку под ноги.

– О, благодарю вас, милая! Я растянула связки пару недель назад, и травма до сих пор дает себя знать.

– Должно быть, это случилось в том поезде? – сочувственно спросила Дороти. – Я читала, что в Индии состав сошел с рельсов. Вы ехали в нем, мисс Парсонс?

– Да, пересекала материк с юга на север, – кивнула тетушка Полли. – К счастью, мой вагон накренился, но не упал. Можно было бы сказать, что я отделалась легким испугом,

но это было бы неправдой: я ни капли не испугалась.

Священник взял со стола газету и развернул ее.

– Здесь пишут, что состав рухнул с насыпи. Сообщают о сорока погибших и двух сотнях раненых! Вам очень повезло, мисс Парсонс.

– Эти газетчики вечно преувеличивают. Невозможно читать их нелепые выдумки! Позвольте-ка газету... Вот, пожалуйста: ограбления, убийства, кражи! Уверена, половины этого не происходило на самом деле. А фотография мошенника в разделе происшествий! У людей не бывает таких выпуклых лбов, рыбьих глаз и обвисших до шеи усов. Это портрет сома, а не человека.

– Ограбления? – переспросил Дэвид, не обращая внимания на портрет, который тетушка совала ему под нос. – Можно взглянуть? Смотри-ка, Эдвард!

И он зачитал вслух:

– «Этот месяц ознаменовался серией необычных краж, жертвами которых стали известные коллекционеры оружия. Злоумышленники проникали в оружейные комнаты, вскрывали сейфы, но что именно было похищено и на какую сумму, не сообщается. Преступники пока не найдены, но полиция прилагает все силы...» И так далее.

– Эдвард, на твоём месте я была бы осторожна, – заметила тетушка Полли.

– Если кто-то и представляет угрозу для его замков, то лишь я, – со смехом отозвался Дэвид. – Помню, в детстве ни

одна закрытая дверь не была для меня препятствием.

Но, поймав предостерегающий взгляд Эдварда, он осекся.

– В самом деле, мистер Кендел, – встревожилась Дороти. – Вы уверены, что ваша коллекция хорошо охраняется?

– Совершенно, дорогая мисс Уокер. Новейший кодовый замок и код из шести цифр защищает ее от любого взлома.

Он победоносно оглядел окружающих и подытожил:

– Мои ружья в полной безопасности!

Перед тем, как лечь спать, миссис Норидж по своему обыкновению взяла книгу. Но пять минут спустя поймала себя на том, что строки, которые она только что прочла, улетучились из головы.

Гувернантка отложила книгу, сняла очки и задумалась.

Что-то шло не так.

Эмма Норидж всегда прислушивалась к своему внутреннему голосу. А сейчас он тихо, но настойчиво предупреждал, что грядет нечто плохое.

Эмма припомнила, что происходило сегодня. Самой серьезной неприятностью был испорченный обед, а за ним и ужин. Кухарка безбожно пересолила и то и другое, а когда Люси Кендел спустилась на кухню, чтобы выяснить причину, вместо ответа горько разрыдалась. На все расспросы хозяйки она отвечала слезами, просила прощения и клялась, что это больше не повторится.

Кухарка работала в семье Кенделов больше тридцати лет.

Было бы странно подозревать ее в чем-нибудь.

И главное – в чем?

Миссис Норидж с досадой побарабанила пальцами по столу. Неужели та глупая газетная статья подействовала на нее?

Так ничего и не придумав, Эмма потушила лампу и легла спать, очень недовольная собой.

Когда часы в большой зале пробили полночь, она проснулась от их глуховатого «бом-м-м!» и даже привстала на кровати, пораженная ужасной мыслью. Бог ты мой, со всеми этими размышлениями она забыла про свое молоко!

Какая непростительная рассеянность! Вокруг могут происходить ограбления, бури, землетрясения и войны, но неизменный стакан молока должен быть выпит.

Эмма накинула на плечи шаль, сунула ноги в домашние туфли и вышла из комнаты.

Пробираясь на кухню по темным коридорам, она прислушивалась к дыханию дома. Все крепко спали. Ни единый звук не нарушал ночную тишину, кроме шелеста ее собственных шагов, тиканья часов и...

...и хриплого сопения.

Миссис Норидж остановилась. Это что еще такое?

Наклонив голову, она уловила, что к сопению примешиваются еще какие-то звуки. Неподалеку кто-то скребся.

Гувернантка прошла еще несколько шагов и заглянула в приоткрытую гостиную. Там-то и обнаружился источник звука.

На подоконнике, перевесившись передней частью за окно, висел бульдог Гастон и отчаянно работал задними лапами, пытаясь перебросить свою толстую тушу наружу. Окно забыли запереть, и в эту узкую щель, больше подходившую для кота, чем для раскормленного бульдога, пытался выбраться негодный пес.

– Гастон! – шепотом окликнула Эмма.

Задняя часть Гастона на секунду замерла, а затем пес принылся еще более ожесточенно скрести задними лапами по подоконнику. Прежде, чем миссис Норидж успела подбежать и схватить его, он наконец вытолкнул себя, точно пробку из бутылки, сверзился на землю и припустил прочь.

Миссис Норидж не могла допустить, чтобы чужой пес удрал. И поскольку возиться с засовами на двери не было времени, гувернантка подняла створку окна и последовала примеру беглеца.

Спустя некоторое время случайный наблюдатель мог бы видеть удивительную и редкую для этих мест картину. По освещенной лунным светом дорожке в направлении деревни мчался, переваливаясь, упитанный бульдог. За ним почти так же быстро бежала худая женщина в длинной белой ночной рубашке, делавшей ее похожей на привидение. Время от времени бульдог оборачивался, убеждался, что его все еще преследуют, и прибавлял скорость.

Эта странная пара миновала поместье Кенделов, пересекла поле и выбежала к деревне.

На пригорке бульдог остановился. Он повел носом, приглушенно гавкнул, точно прощаясь, и потрусил по обходной дороге, больше не оглядываясь назад.

Минуту спустя на том же месте, тяжело дыша, стояла миссис Норидж. Она считала себя весьма упорным человеком, но на этот раз ей пришлось признать, что целеустремленность бульдога победила ее собственную. Перспектива бежать до самого Лондона за негодной собакой ее не прельщала.

Оставалось одно – вернуться в поместье. Но прежде чем идти обратно, Эмма устало облокотилась на ближайшую ограду. Ей требовалась передышка.

Возле дома, в окнах которого горел свет, послышался смех.

– ...только ради тебя, – донеслось до миссис Норидж.
Голос Дэвида Кендела!

Женщина, смеясь, что-то отвечала. Гувернантка из деликатности отошла, но дверь приоткрылась, и она успела заметить в упавшей полосе света высокого мужчину и прильнувшую к нему молодую темноволосую женщину.

– Хм, – осуждающе поджала губы миссис Норидж.

Что ж, Дэвид оставался верен себе. Даже здесь, в маленькой деревушке, он ухитрился обольстить одну из местных красавиц.

Обратный путь показался миссис Норидж довольно утомительным. Она даже пожалела, что перед ней не бежит

бульдог. Вернувшись в поместье Кенделов, гувернантка подошла к двери, дернула за ручку и только тут вспомнила, каким путем покинула дом. От всей души надеясь, что никто не застанет ее в столь двусмысленной ситуации, она поплелась к окну.

К счастью для репутации миссис Норидж, все жители особняка крепко спали. Кроме Дэвида, но Эмма предполагала, что он вряд ли ложился в эту ночь.

Уставшая, побежденная бульдогом, миссис Норидж доплелась до кухни, подогрела молоко, выпила его и вернулась к себе. Уснула она сразу, едва ее затылок коснулся подушки.

Утром миссис Норидж проснулась с тяжелой головой. Не столько из-за погони за собакой, сколько оттого, что всю ночь ей снились сны, в которых она преследовала разнообразных животных. Вспомнив, каково было бежать за носорогом, гувернантка поежилась.

Но, несмотря на усталость, она сразу заметила, что один из ее воспитанников чем-то расстроен.

– Что случилось, Норман?

Но мальчик лишь крепче сжал губы и помотал головой.

– Тебя кто-то обидел? – допытывалась гувернантка.

Норман шмыгнул носом и отвернулся.

– Я уже все рассказал отцу, – проговорил он. – Он говорит, что это ерунда.

Если про себя миссис Норидж и высказала несколько

нелестных эпитетов в адрес Эдварда Кендела, с губ ее не сорвалось ни слова.

Она достала тетради, в которых они вместе решали примеры, села рядом. Но вместо того, чтобы начинать урок, молча погладила Нормана по руке.

Эта неожиданная ласка от всегда сдержанной гувернантки вдруг пробила брешь в обороне мальчика. Он обернулся, обнял миссис Норидж и всхлипнул.

– Ну-ну, мой дорогой... Скажи, что случилось?

– Их там больше нет!

– Кого?

– Скворцов! На вязе было гнездо с птенцами. Трое, совсем крошечные, лысенькие. Я каждое утро забирался на дерево, чтобы полюбоваться на них. А сегодня залез, а они... они... Они пропали!

Он со страхом взглянул на миссис Норидж, боясь, что над ним будут смеяться. Но гувернантка даже не улыбнулась.

– Это очень печально, Норман. Пропали только птенчики?

– Нет, все гнездо. – Он вытер слезы. – Значит, они все умерли.

– Все гнездо? – повторила миссис Норидж. – Покажи-ка мне это дерево, Норман.

Они вышли в сад, обогнули дом и остановились возле старого раскидистого дерева.

– Гнездышко было вон там, на третьей ветке, – показал

мальчик. – А сейчас его там нет.

И тут миссис Норидж выкинула фокус. Она ухватилась за ветку над головой, подтянулась с неожиданной для своего возраста легкостью, перебралась на ветку повыше и встала, держась за ствол.

От изумления Норман даже забыл о своем расстройстве.

– Вот это да! Миссис Норидж, где это вы так научились?

Но гувернантка не ответила. Она оглядела ветку, на которой раньше было гнездо, а затем внимательно осмотрелась вокруг. Особенно ее заинтересовал вид в окне, которое было прямо напротив. В кабинете мистер Кендел раскладывал на столе какие-то бумаги, не догадываясь, что в шести футах от него находится человек.

С той же легкостью миссис Норидж спустилась вниз, прыгнула на землю и отряхнула ладони.

– Ты, наверное, думаешь, что гнездо пропало из-за тебя? – спросила она.

Норман молча кивнул.

– Я не трогал их, – горячо сказал он, – я знаю, что нельзя! Но скворцы все равно кричали и вились вокруг.

Миссис Норидж присела перед ним на корточки и взяла за руки.

– Можно испугать птиц настолько, что они бросят своих птенцов. Но чтобы они унесли гнездо – о таком я не слыхала. Поверь мне, ты ни в чем не виноват.

Успокоив мальчика, миссис Норидж направилась прямо к его отцу.

– Мистер Кендел, могу я поговорить с вами?

– О, конечно. Что-то с детьми?

– Нет, с ними все в порядке. Не считая того, что Норман был сегодня очень огорчен...

– ...какими-то птенцами, знаю, – подхватил Эдвард. – Я не придавал значения этим глупостям.

Миссис Норидж поджала губы.

– Осмелюсь сказать, сэр, напрасно. Это важно.

Эдвард Кендел недоуменно воззрился на нее.

– Что важно?

– Исчезновение гнезда. Учитывая это, а также пересоленную еду, я бы очень рекомендовала вам, сэр...

Она замялась. Эдвард наклонился вперед:

– Что рекомендовали бы?

Миссис Норидж вскинула на него серые глаза.

– Сменить код на замке в вашу оружейную комнату, сэр.

Несколько секунд Эдвард удивленно смотрел на нее, а потом расхохотался. Гувернантка, ничуть не обиженная, невозмутимо ждала, пока он закончит смеяться.

Эдвард вытер слезы, выступившие на глазах:

– Извините, миссис Норидж. Мне просто показалась очень забавной связь между пересоленным бифштексом и моими ружьями.

– Однако она есть, сэр.

– И в чем же она заключается?

Миссис Норидж покачала головой:

– Простите, я пока не могу сказать этого. Но мой долг – предупредить вас о возможной опасности.

Мистер Кендел снисходительно улыбнулся, глядя на нее.

– Вы прислушаетесь к моему совету? – прямо спросила миссис Норидж.

– Простите, боюсь, что нет.

– Отчего же?

Эдвард помолчал, по-прежнему улыбаясь, снял очки и повертел их в пальцах.

– Миссис Норидж, помните наш первый разговор? Вы рассказывали о принципах?

– Разумеется, сэр.

– Вы сказали, у вас их восемь. Но перечислили всего четыре. Нельзя ли услышать про остальные?

– Конечно. Пятый принцип – помнить о том, что ленивый работает вдвое больше. Шестой – если не можешь принять решение, ложись спать. Седьмой – коровам, детям и собакам нужно уделять поровну внимания...

Ее прервал раскатистый хохот Эдварда.

На этот раз миссис Норидж пришлось ждать дольше, пока мистер Кендел успокоится.

– Коровам... собакам... – с трудом выговорил он сквозь смех, – и детям... Поровну! Ох, миссис Норидж! А что делать тем несчастным, у которых нет коров?

Эмма явно собиралась ответить, но Эдвард замахал руками:

– Нет-нет, умоляю вас! Это был риторический вопрос. Вы меня до разрыва сердца доведете своими принципами и рекомендациями. Не обижайтесь на меня, миссис Норидж, но...

Он пытался подобрать слова, и гувернантка пришла ему на помощь:

– Но мои советы кажутся вам не заслуживающими внимания.

– Нет-нет! Скорее, странными. Поймите меня правильно! Я не разделяю ваших... м-м-м... своеобразных принципов и не могу разделять ваших опасений.

Миссис Норидж поднялась.

– Что ж, я поняла вас, мистер Кендел. Благодарю за уделенное время.

За ужином все шло как обычно. Но чуткое ухо миссис Норидж резали нотки фальши в чьем-то голосе. Неуловимый флер тревоги сгустился над беззаботными внешне людьми.

Впрочем, был ли кто-то из них и впрямь беззаботен?

Мистер Эдвард не сводил глаз с брата, опасаясь, не скажет ли тот мисс Уокер что-нибудь, что отвратит ее невинную душу от такого негодяя. словно заботливая дуэнья, Эдвард готов был в любую минуту исправить промах Дэвида.

Сам же Дэвид шутил и смеялся, но глаза его оставались серьезными. Он теребил сигару, не замечая, что табак сыплется ему на колени. Что-то тяготило младшего Кендела, но он тщательно скрывал это от всех.

Мисс Уокер, как и ее брат, играла роль восхищенной слушательницы. Ей, похоже, было все равно, кому внимать – лицо ее выражало одинаковый восторг независимо от того, велась ли беседа о музыке или о разведении свиней. Священник кивал, и улыбка не покидала его бледное узкое лицо, держась на губах, точно приклеенная. Мистер Уокер настолько привык к ней, что даже когда все дружно начали выражать соболезнования тетушке Полли по поводу пропажи ее любимой собаки, он не перестал улыбаться.

– О, я уверена, Гастон вернется, – решительно заявила тетушка. – Его маленькое любящее сердечко просто разорвется вдали от меня.

Миссис Норидж вспомнила, как бульдога насильно кормили целыми днями, и подумала, что если бы он остался, то мог бы разорваться его маленький любящий желудок.

– Мисс Парсонс, мы завтра поищем его, – пообещала Люси.

– Разумеется, поищите, – ворчливо отозвалась пожилая леди. – Неужели я буду сама с больной ногой бегать по всей округе!

«Люси Кендел – вот кто спокоен, – подумала миссис Норидж. – Даже постоянные придирки тетушки Полли не

слишком задевают ее».

Не подозрительна ли подобная безмятежность чувствительной Люси?

Миссис Норидж решительно встала. Определенно, ей нужно на время выкинуть все это из головы, или она начнет подозревать даже сбежавшего бульдога Гастона.

Эдварду Кенделу ночью не спалось. Он ворочался, вставал, читал, разбирал деловые бумаги – словом, проделывал все те действия, которые в другое время непременно усыпили бы его.

Но сон все равно не шел. Неясная тревога снедала Эдварда, и хуже всего было то, что определить ее источник он не мог.

Проще всего было решить, что причина в Дэвиде – в Дэвиде, который выводил его из себя подчеркнутым послушанием даже больше, чем насмешками. За насмешками Эдвард видел привычного младшего брата – безалаберного, ленивого, подвергающего осмеянию все то, что ценил в жизни сам Эдвард. Но за Дэвидом послушным, за Дэвидом кротким скрывался неизвестный ему человек, и на что он способен, старший брат не знал.

Он снова лег в кровать, твердо решив на этот раз не поддаваться тревожным мыслям. И это ему почти удалось. Но, уже погрузившись в сон, Эдвард самым краешком сознания вдруг уловил, что было причиной его беспокойства.

Странное поведение миссис Норидж.

Он произнес это в полудреме и вдруг проснулся. Проснулся окончательно, без малейшей надежды заснуть вновь, словно его окатили холодной водой.

Гувернантка! Ее смехотворное, нелепое предложение о смене шифра! Вот что не давало ему покоя. Эта донельзя странная теория о связи между пересоленным обедом, пропавшими птицами и кражей! Какая великолепная, образцовая глупость! Но именно из-за нее он мучился уже два часа.

Эдвард Кендел не на шутку рассердился. Завтра же, твердил он себе, расхаживая по комнате, завтра же он поговорит с ней всерьез и объяснит, что нельзя... что она не должна... что эти ее дурацкие принципы должны оставаться при ней!

В своем воображении Эдвард Кендел призвал миссис Норидж к благоразумию. Заложив палец за борт жилетки, он произнес целую речь. В ней он порицал чудачество и высмеивал странности. «Эксцентричность, – восклицал мистер Кендел, – не имеет права на существование в наше время прогресса и торжества здравомыслия!»

Когда он закончил свою пламенную тираду, а воображаемая миссис Норидж раскаялась и устыдилась, мистер Эдвард вытер пот со лба, точно оратор, произнесший лучшую в своей жизни речь, и рухнул бессильно в кресло.

Именно тогда зазвенела сигнализация.

Вдохновленный успехом своего выступления, мистер Кендел не сразу понял, что это такое. Мысленно он все еще

аплодировал самому себе и принимал извинения от гувернантки. Но в конце концов настойчивый звон достиг его мыслей.

Эдвард поменялся в лице. Он вскочил и бросился в коридор, по которому уже бежал на удивление бодрый мистер Уокер.

– Где это звенит? – крикнул священник.

– В оружейной! Скорее, скорее!

Пыхтя и толкаясь, мужчины добежали до кабинета. Эдвард распахнул дверь и сразу увидел, что свет включен, а комната открыта. Ружейные стволы тускло поблескивали в глубине шкафов.

– Кража! – выдохнул он. – Черт возьми...

За его спиной возникла перепуганная Люси, из-за которой выглядывала сонная Дороти.

– Господи, Эдвард! Да выключи же ты этот звон!

Когда сигнализация смолкла, все вздохнули спокойнее.

– Что случилось, дорогой?

– Ты не видишь? Нас обокрали!

– Что пропало? – деловито проскрипели сзади.

Все обернулись и увидели тетюшку Полли в халате и с лампой в руке. В глазах ее светилось жадное любопытство.

– Ох, тетюшка, только не сейчас! – умоляюще воскликнул Эдвард. – Я еще не знаю, что украли.

– Так посмотри! Ты медлителен, как улитка.

Эдвард хотел уже ответить язвительно, но спохватился,

что он и в самом деле должен сперва оценить размер ущерба. С колотящимся сердцем вошел он в оружейную и огляделся.

Шкафы раскрыты, ящики под ними выдвинуты, некоторые опрокинуты. Но, кажется...

– Кажется, ни одного ружья не исчезло! – неуверенным от радости голосом объявил Эдвард. – Постойте-ка... В самом деле!

– Так что же, все цело? – разочарованно осведомилась те-тушка.

– Представьте себе! Должно быть, преступника спугнула сигнализация! Вот что значит не поспуститься на кодовый замок!

Эдвард просиял. Несколько мгновений он чувствовал себя так, будто схватил вора собственными руками.

Но затем тень догадки омрачила его лицо.

– Послушайте, он может быть неподалеку! В саду!

Все бросились к окнам.

– Я вижу какую-то фигуру, – несмело сообщил Персиваль Уокер. – Вот там, за вязом.

– И я вижу, – воскликнула Дороти.

Все бросились в коридор, затем по лестнице, и внизу налетели на Дэвида. Тот был одет и с видом крайнего удивления наблюдал за суматохой.

Эдварда что-то царапнуло при виде брата, но в спешке он не отдал себе отчета в том, что именно – лишь бросил на бегу, что они видели вора, и устремился в сад.

Но злоумышленник, кем бы он ни был, опередил их. Обитатели поместья успели рассмотреть только фигуру, тяжело бегущую к лесу и скрывшуюся среди деревьев. Сгоряча кто-то предложил натравить на него собак, но все вспомнили, что из собак в доме имелся только бульдог тетушки Полли, да и тот пропал.

– Завтра вызовем полицию, пусть они ловят мерзавца, – сказал Эдвард, когда все вернулись в дом.

Люси подошла к нему.

– Слава богу, что все обошлось, дорогой.

– В самом деле, – поддержал Дэвид. – Выходит, та статья в газете все-таки имела под собой основания.

Эдвард рассеянно взглянул на него, поглощенный обдумыванием нового кода, и вдруг понял, что его насторожило.

– А почему ты одет? – удивленно спросил он.

Дэвид пожал плечами:

– Я выходил прогуляться.

– И никого не видел?

Младший брат покачал головой с самым беззаботным видом.

Эдвард помолчал.

– Ты же не любишь гулять, Дэвид, – нехотя сказал он наконец. – Даже днем.

Тот улыбнулся ему лукаво, как мальчишка:

– Люди меняются, дорогой брат. Вот и я изменился. Ты сам этого хотел!

Он подмигнул.

– Спокойной ночи, Эдвард. Спокойной ночи, Люси. Мистер Уокер, мисс Уокер, тетушка Полли... О, и миссис Норидж!

На это восклицание Эдвард резко обернулся.

Гувернантка стояла в дверях, полностью одетая.

– Если вы тоже скажете, что гуляли ночью, я вам не пове-
рю, – тусклым голосом проговорил Эдвард.

На лице миссис Норидж отразилось легкое негодование.

– О, нет, сэр! Я – ночью? Боже упаси. Я только ждала, ко-
гда что-нибудь случится, и хотела быть готовой на этот слу-
чай.

– Мы спугнули вора. Вернее, не мы, а сигнализация.

– В самом деле, сэр?

Этот вопрос был задан почти безразличным тоном. Его
вполне можно было счесть обычным проявлением интереса.
Но мистер Кендел отчего-то почувствовал себя значительно
хуже, чем за секунду до этого.

– У вас есть сомнения? – резко спросил он.

Гувернантка помолчала.

– Сколько времени проходит между взломом двери и
включением сигнализации? – наконец спросила она.

– Если дверь взломали, то ни секунды!

– А если ее открыли, зная код?

В комнате воцарилось молчание. Все взгляды обратились
на Эдварда.

– В этом случае, – начал он, – она включится, если не будет нажата специальная кнопка в одном из шкафов с ружьями.

– Благодарю вас, мистер Кендел, – вежливо сказала гувернантка. – Если я вам не нужна, разрешите удалиться?

– Да-да, конечно. Нет, постойте! Сегодня вы сказали, что...

Миссис Норидж пронзительно взглянула на него, и он осекся. Несколько мгновений ее взгляд сверлил его так, что Эдвард чуть не прикусил язык. Но когда к ним обернулся Дэвид, миссис Норидж уже стояла с выражением крайнего почтения на лице.

– Разве я что-то сказала, сэр?...

– Простите, я ошибся. Вы свободны.

Провожая ее взглядом, мистер Кендел подумал о том, что миссис Норидж знает гораздо больше, чем говорит. И она явно не желает, чтобы об этом догадывался кто-то, кроме него.

«Но обед? – мысленно воскликнул он. – При чем здесь пересоленный обед?»

На следующее утро священник, войдя в гостиную, увидел в кресле черную фигуру и подпрыгнул от ужаса.

– Доброе утро, мистер Уокер, – приветствовала его гувернантка.

– О, миссис Норидж! Вы меня ужасно перепугали. Что вас сюда привело в такую рань?

Миссис Норидж указала на газету.

– Я изучала последние новости.

– Но это не последние. У вас ведь тот самый номер, где была статья о кражах?

– Именно так, – подтвердила миссис Норидж. – И при желании здесь можно найти много интересного.

Персиваль слегка порозовел и отодвинулся на шаг назад, чтобы тень от шторы закрывала его лицо.

– А вы отчего поднялись так рано? – любезно спросила миссис Норидж, наблюдая за ним.

– Мне не спалось, – пробормотал священник.

– И вы решили провести утро в гостиной, – кивнула она. – Понимаю. Шесть утра, рассвет...

– Я надеялся почитать свежую прессу, – промямлил совсем покрасневший Персиваль Уокер.

– Боюсь, свежей пока нет. Может быть, удовольствуетесь этой?

Она с невинным видом протянула ему газету. Священник отскочил с таким видом, будто ему предложилидохлую крысу.

– Что ж, если вы отказываетесь, я, пожалуй, изучу ее внимательнее. До встречи, мистер Уокер.

И миссис Норидж удалилась, сжимая под мышкой газету. Персиваль проводил ее затравленным взглядом.

А гувернантка поднялась в библиотеку и провела там три часа, проглядывая книги о ружьях. Эдвард Кендел в свое

время подошел к сбору коллекции основательно и приобрел разнообразные исследования и монографии об оружии.

Сам он вряд ли прочел и десятую часть этих солидных трудов. Но миссис Норидж изучила их, как студент перед экзаменом: быстро и тщательно.

К концу трехчасовой работы перед ней лежали два листа, исписанные мелким, очень ровным почерком. Эдвард, проходивший мимо, заглянул в библиотеку и изумился:

– Миссис Норидж! Что вы здесь делаете?

Гувернантка потерла переносицу.

– Читаю ваши книги, сэр. Когда-то вы дали мне на это разрешение. Надеюсь, оно в силе?

– Разумеется. Нашли что-то интересное?

– Безусловно. К примеру, я узнала, что человек, сделавший ваше японское ружье, – мастер Хаякава, оружейник самого императора. Незадолго до смерти он попал в опалу, оставил двор и скрылся ото всех в маленьком домике в горах. На протяжении года он работал над ружьями и успел сделать пять штук. Одно из них попало к вам. А затем мастер умер. Печально, что дом после смерти хозяина подвергся разграблению. Пропало абсолютно все. Вот здесь написано, – миссис Норидж постучала по увесистому тому, – что украли даже ставни. Таков был конец оружейника, на протяжении многих лет приближенного к самому великому человеку в своей стране, видевшего интриги, закаты старинных родов и рождение новых.

– Это трагичная история, – согласился Эдвард, – но, боюсь, она не делает ружья ни на фунт дороже. Я купил свое у старого собирателя, который торгует разнообразным барахлом. Время от времени у него попадаются стоящие вещи, и одну такую я и приобрел. Но, видите ли, миссис Норидж, с технической точки зрения это оружие довольно посредственное. Оно очень красивое, однако его внешний вид может ввести в заблуждение лишь неискушенного человека. Это один из самых недорогих стволов в моей коллекции. Любой специалист вам может это подтвердить.

Миссис Норидж достала из-под стопки книг газету и протянула Эдварду Кенделу.

– Прошу вас, взгляните на список тех, кто был обокраден. И скажите мне, сэр, верно ли, что как минимум двое из них – владельцы ружей, сделанных мастером Хаякавой в последний год его жизни?

Удивленный Эдвард развернул номер и пробежал глазами статью.

– Бог ты мой! Вы совершенно правы. Но как вы догадались?

– Это явственно следовало из того, что сигнализация сработала не от взлома, – туманно ответила миссис Норидж.

Взглянув на вытянувшееся лицо Эдварда Кендела, она сжалилась:

– Сэр, у вора было достаточно времени, чтобы обыскать всю оружейную. Он знал код. Сигнализация сработала лишь

тогда, когда он открыл последний шкаф.

– И что это значит?

– Боюсь, это не вы испугнули его. Он ушел сам. Если бы я была азартна, то могла бы держать пари, что у других коллекционеров тоже ничего не пропало.

Она склонилась над книгой, и мистер Эдвард понял, что больше ничего не услышит.

В дверях он обернулся и с удивившей его самой робостью проговорил:

– Миссис Норидж, вы подозреваете кого-то из тех, кто сейчас живет в доме?

Она подняла на него серые глаза.

– Я знаю это наверняка.

– У меня есть одно крайне тягостное подозрение... – начал он.

Но гувернантка покачала головой:

– Простите. Я пока не готова ни подтвердить, ни опровергнуть ваши соображения.

Внезапно мистера Кендела молнией пронзила догадка.

– Нам стоит ждать следующей попытки кражи?

Миссис Норидж молчаливым кивком подтвердила его предположение.

– Но что же делать? – мистер Кендел растерялся, что случилось с ним нечасто. – Я могу наводнить дом полицией...

– Тогда вы ничего не узнаете. Преступник тихо исчезнет, чтобы ждать более удобного случая.

– Что же, вести себя как ни в чем не бывало?

– Это единственный шанс поймать его, сэр. Поверьте мне.

Еще вчера предложение поверить миссис Норидж, этой чопорной гувернантке, странной особе, съедающей по утрам яблоко, на ночь выпивающей стакан молока и считающей, что детям, коровам и собакам нужно уделять поровну внимания, вызвало бы у мистера Кендела искренний смех.

Но только не сегодня. Она предупредила его о попытке взлома, он не прислушался, и это доставило ему несколько очень неприятных минут. Помня об этом, мистер Кендел покорно кивнул, словно отдаваясь на волю провидения и миссис Норидж.

Но напоследок все-таки не удержался:

– Неужели я ничего не могу сделать? Ничего полезного?

– Можете, сэр, – сказала гувернантка. – Не считите за дерзость, но для всех будет очень полезно, если вы извинитесь перед своим сыном.

Эдвард Кендел побагровел, быстро вышел и закрыл за собой дверь, чтобы не наговорить лишнего. Как и предположила миссис Норидж, предложение извиниться перед одиннадцатилетним мальчишкой он счел за дерзость.

Идя в столовую, Эдвард весь кипел.

– Просить прощения! Мне! У Нормана! Что она вообразила себе?! Нет, это неслыханно! Эдвард Кендел никогда не будет извиняться, даже если неправ! Вот какой у меня принцип!

Эдвард распахнул дверь и первое, что бросилось ему в глаза, было заплаканное, несчастное лицо сына.

К чести мистера Кендела следует сказать, что он не колебался ни секунды.

– Дружочек, прости меня, – неловко сказал он, выбросив из головы все свои принципы. – Мы найдем с тобой другое гнездышко, обещаю.

Когда Дэвид Кендел вернулся с прогулки, дом был наполнен стуком и скрежетом. Оглядевшись, Дэвид нахмурился и отправился на поиски брата.

Он нашел его в оружейной.

– Что происходит? – громко спросил Дэвид, остановившись в дверном проеме и словно не решаясь пройти дальше.

– А, это ты! – обернулся Эдвард. – Ничего особенного. Я меняю замки.

– Зачем?

– Чтобы никто больше не взломал их. – Эдвард казался искренне удивленным его вопросом.

Дэвид пригляделся к нему, и то, что он увидел в лице брата, ему не понравилось.

– Ты что-то скрываешь от меня, – неуверенно сказал он.

– Разве? А может, это ты что-то скрываешь от меня?

Эдвард отложил ружье и шагнул к брату, глядя исподлобья, как буйвол.

Переход от напускного равнодушия к нападению оказался

для Дэвида неожиданным. Он попятился.

– О чем ты говоришь?

– Ты знаешь человека, который сбежал в лес? Того, который отирался под окнами моего кабинета?

– Откуда бы мне знать его?

– Прекрати увиливать! – резко выкрикнул Эдвард. – Знаешь или нет?

Дэвид замолчал. Даже сквозь загар было видно, что лицо его побледнело.

Эдвард с минуту смотрел на него, затем горько усмехнулся.

– Ты отличный обманщик, мой милый, но только если подготовишься как следует. Уходи.

– Как только дашь мне мои деньги, – оскалился Дэвид.

Эдвард хотел ответить грубостью, но в эту секунду в комнату заглянула его жена.

Чутья и такта у Люси Кендел хватало на двоих. Она тотчас поняла, что между братьями случилась ссора, и попыталась сгладить ее.

– Завтра вечером будет небольшой прием, – с улыбкой сказала она Дэвиду. – Я хочу придумать короткие розыгрыши и игры. Может быть, живые картины? Я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Не уверен, – ухмыльнулся тот. – Похоже, Эдвард собирается выставить меня из дома раньше срока.

– Что? Эдвард, это правда?

Мистер Кендел с силой захлопнул дверцу шкафа и обернулся к ним. Видно было, что он с трудом сдерживает гнев.

– Нет, если Дэвид будет прилично себя вести.

– То есть схватить мисс Треску и тащить ее под венец? Не дожدهшься!

– Дождусь, – пообещал Эдвард, и уверенность, прозвучавшая в его голосе, заставила младшего брата вздрогнуть.

Дэвид сжал кулаки, и несколько мгновений Люси с ужасом думала, что он бросится на ее мужа. Но ему удалось овладеть собой. Он облизнул губы и вкрадчиво попросил:

– Дай мне денег. Хотя бы на полгода.

– И что ты сделаешь с ними? Снова проиграешь? Спустишь на женщин? Или это очередной прожект, в который все утечет, как в дыру?

– Это не твое дело!

Но Эдвард недобро усмехнулся.

– На этот раз мое. Ты зашел слишком далеко, мой дорогой. Думаешь, если я содержал тебя все эти годы, то теперь не смогу отказать?

– Отдай мои деньги! – звенящим от ярости голосом крикнул Дэвид.

Люси вскрикнула от испуга и зажала рот рукой. На миг перед ней промелькнуло лицо человека, которого она не знала, а вместо шаловливого, так и не повзрослевшего мальчишки открылся взрослый мужчина – взбешенный, загнанный в угол.

– Не смей повышать голос в присутствии моей жены, – процедил Эдвард.

Несколько секунд обстановка в комнате была накалена до предела. Казалось, еще чуть-чуть – и ружья сами начнут стрелять.

Но Люси не дала их стычке перейти во что-то большее. Она перевела дыхание и сказала извиняющимся тоном:

– Мы все взволнованы вчерашними событиями и немного нервничаем. Но ведь ничего страшного не случилось, правда?

После недолгого молчания Эдвард угрюмо подтвердил:

– Не случилось. Но если случится хоть что-то – ты слышишь, Дэвид? – хоть что-то, что меня рассердит, считай, что с этого дня ярываю нашу договоренность. Ты не можешь уехать сейчас, до приема – пойдут пересуды, а я этого не желаю. Но будь любезен вести себя так, чтобы у меня не было ни одного повода упрекнуть тебя.

– Ни одного повода, – эхом отозвался Дэвид и вышел.

Едва дверь за ним закрылась, Люси обрушилась на мужа:

– Эдвард! Как ты можешь так обращаться с братом? Ты понимаешь, что унижаешь его?

Обычно ее увещевания действовали на супруга. Но теперь даже тени раскаяния не появилось на его лице.

– Знаешь, кто умел вскрывать все замки в нашем доме? – угрюмо спросил он. – Дэвид! У него золотые руки. Мог бы стать первоклассным взломщиком.

– К чему ты клонишь?

– А ты не догадываешься?

Люси всплеснула руками:

– Эдвард, зачем Дэвиду могут быть нужны твои ружья?

Что бы он стал с ними делать? Спрятал под подушку?

– Он бы выбросил их из окна, где их подобрал бы его сообщник, – отрезал Эдвард. – Мы видели его, помнишь? Он удирал так, словно ждал пули в спину. Не худшая мысль, кстати!

– Эдвард, что ты такое говоришь!

– Люси, ему постоянно нужны деньги. Я обнаружил, что больше всего пострадал шкаф, где висело японское ружье. Неосведомленный человек мог бы счесть его самым дорогим в моей коллекции. А Дэвид, как ты помнишь, никогда не интересовался оружием.

– У тебя нет доказательств, – решительно сказала Люси. – И пока их нет, ты не смеешь обвинять брата.

– Верно, доказательств нет, – с пугающей вкрадчивостью согласился Эдвард. – Но, возможно, они у меня скоро будут.

...К вечеру следующего дня начали съезжаться гости. Кенделов любили в округе. У Эдварда, несмотря на вспыльчивый характер, было много друзей, и, встречая их, он на время забыл о домашних распрях.

Забыл о них и Дэвид – или делал вид, что забыл.

Персиваль Уокер тихо скользил среди гостей, почтитель-

но раскланиваясь, но явно чувствуя себя не в своей тарелке. Наткнувшись на миссис Норидж, он поспешно ретировался в дальний угол и укрылся за пальмой.

В это самое время Дэвид Кендел сбежал с лестницы и по-дошел к двери. Он выбрал момент, когда Эдварда не было в холле, и явно собирался исчезнуть до его возвращения.

Ему помешала тетушка Полли. Дэвид застал ее за таким странным занятием, что застыл в изумлении.

– Расточительство! – гневно бормотала пожилая леди, обрывая листочки фикусу, много лет благоденствовавшему в кадке на окне. – Выкинутые деньги!

– Тетушка Полли! – окликнул Дэвид, придя в себя. – Что вы делаете?!

Она обернулась.

– В Индии меня научили таким образом избавляться от гнева, – пояснила мисс Парсонс, ничуть не смутившись. – Отвратительная страна, должна сказать. Гнусные люди, ужасная еда. Джунгли омерзительны, слоны воняют. Океан шумит так, словно у кого-то бурчит в брюхе.

Дэвид с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Но вы провели там шесть лет! – напомнил он.

– И каждый день негодовала.

«Возможно, в этом и заключается объяснение, – подумал он. – Тетушке Полли жизненно важно все время находиться в состоянии острого недовольства окружающим миром».

– Но что вас так рассердило, дорогая тетя?

– Поведение твоего брата, разумеется! Он безобразно сорит деньгами.

Учитывая, что на протяжении последних лет Эдвард содержал не только Дэвида, но и тетю Полли, это замечание не было лишено оснований. Но Дэвид догадывался, что его родственница имеет в виду не себя.

– Все эти сыщики, детективы – выкинутые деньги! – продолжала возмущаться старуха. – Они пройдохи и обманщики, а твой брат – кочан капусты, с которого каждый норовит ободрать хотя бы листок!

В другое время сравнение Эдварда с кочаном позабавило бы Дэвида. Но в эту секунду мысли его были заняты другим.

– Как вы сказали, тетушка? – переспросил он, меняясь в лице. – Сыщики?

– Ну да. Один из тех молодчиков, что вечно шныряют по углам, а потом сообщают, что ваша жена крутит шашни с доктором. Не понимаю, зачем для этого нужен сыщик! Если есть жена и есть доктор, все очевидно и так!

Но Дэвид не был настроен слушать рассуждения старой девы о неверных женах.

– Откуда вы знаете, что это был сыщик? – напряженно спросил он.

Тетушка Полли пожала плечами:

– Я слышала их разговор. Совершенно случайно, конечно. Я никогда не подслушиваю, это ниже моего достоинства.

– Тетя!

– Хорошо-хорошо, возможно, я немножко прислушивалась. Твой брат встретил этого суетливого господина, отвел в кабинет и спросил, готов ли отчет. Дверь была приоткрыта, а беседовали они громко. Тот ответил, что все сделано в лучшем виде и вручил ему конверт. Твой брат тоже сунул ему конверт и, судя по его толщине, сильно переплатил за сомнительное удовольствие читать о твоих грешках.

Дэвид отшатнулся и чуть не сбил фикус.

– Почему именно о моих? – спросил он, улыбаясь через силу.

– А о чьих же, если на конверте написано «Дэвид Кендел»? – удивилась тетушка Полли. – Я заглянула к Эдварду, когда этот сыщик ушел. Но увидеть содержимое мне не удалось, – с нескрываемым огорчением прибавила она.

– А Эдвард? – перебил ее Дэвид. – Эдвард прочел?

– Нет, кажется, не успел. Его позвала Люси. Он сунул его к остальным бумагам и выпроводил меня из кабинета.

Старушка снова вздохнула. Ее любопытство не было удовлетворено, и она явно считала это величайшей несправедливостью.

– Поэтому я пришла сюда, – закончила она, вновь возвращаясь в привычное раздраженное состояние. – Если бы Эдвард захотел что-то узнать, он мог бы спросить меня. Я бы подтвердила, что ты лентяй и бездельник, а больше о тебе и говорить-то нечего.

Но Дэвид уже не слушал. Он быстрыми шагами направ-

лялся в залу, где Эдвард и Люси беседовали с гостями.

Осторожно выглянув из-за колонны, Дэвид убедился, что брат еще здесь. «Сколько у меня есть? – подумал он, украдкой вытирая вспотевшие ладони. – Сорок минут? Час? Нет, зная Эдварда, можно не сомневаться, что он постарается вернуться к письму как можно скорее. Минут пятнадцать, не больше. Надо успеть!»

Среди всеобщего шума, музыки и разговоров никто не заметил, как высокий смуглый мужчина, стоявший за колонной, исчез.

Кто-нибудь из гостей мог бы видеть этого мужчину минутой спустя возле двери в кабинет Эдварда Кендела. В руках он держал изогнутую шпильку и с ловкостью, наводившей на подозрения, ковырялся в замке.

Минута – и раздался тихий щелчок. Мужчина слабо улыбнулся: с дверями и замками у него всегда было полное взаимопонимание. Не то что с братом.

Задерживаться в кабинете Эдварда он не стал. Еще полминуты – и он буквально вывалился наружу, таща тяжелый выдвижной ящик, полный бумаг и конвертов. Подбородком мужчина прижимал верхние документы, чтобы те не рассыпались.

Дверь он захлопнул метким ударом ноги и бросился к себе, стараясь не потерять по дороге ни единого обрывка.

В своей комнате Дэвид опрокинул на пол весь ящик и стал судорожно рыться в море бумаг.

– Где он, где?! – бормотал он, лихорадочно перебирая один конверт за другим.

За его спиной раздался стук и скрипучий голос произнес:

– Дэвид, дорогой, не принимай близко к сердцу то, что я сказала. Я не имела в виду, что ты ничтожество...

– Тетушка Полли, я занят! – яростно выкрикнул он.

И почти сразу понял, что совершил ошибку.

– Чем это ты таким занят, что не можешь выслушать родную тетку?! – взвилась мисс Парсонс.

Дверь распахнулась, и тетушка Полли влетела в комнату племянника с таким видом, что любой фикус сам сбросил бы все листья до единого, едва только почувствовав ее приближение.

Увидев Дэвида, сидящего в гряде бумаг, она громко ахнула:

– Пресвятая мать божья!

– Не уверен, что ее присутствие необходимо, – мрачно сказал Дэвид.

– Ты совсем сошел с ума!

– Напротив, я пытаюсь сохранить рассудок.

– Это нужно сейчас же вернуть обратно.

Мисс Парсонс сгребла в кучу рассыпанные документы и сунула в ящик.

– Зачем ты унес его целиком?

– Потому что Эдвард мог прийти в любую минуту. Я хотел найти отчет детектива, а потом вернуть ящик на место. Так

быстрее, чем копаться в его кабинете.

– Сдался тебе этот конверт! – раздраженно воскликнула пожилая леди. – Эдвард все равно получит его рано или поздно! Ладно, видит бог, ты меня вынудил. Я помогу тебе искать, но лишь потому, что твердолобость Эдварда меня давно выводит из себя.

Несколько минут прошли в сосредоточенном шуршании.

– Его здесь нет! – в отчаянии воскликнул Дэвид, не слыша голосов в коридоре. – Черт возьми, куда Эдвард мог спрятать его?!

Шум в коридоре стих, а затем снаружи громко постучали.

– Дэвид, что у тебя происходит? – спросил Эдвард, приоткрывая дверь.

– Тетя Полли! – прошептал побелевший Дэвид. – Вы что, не задвинули засов?

– Ты сам его не задвинул! – огрызнулась та. – Эй, там, не входить!

Но ее запрет прозвучал слишком поздно. Мистер Кендел, услышавший бессильный выкрик брата, уже заглянул внутрь.

Лицо Эдварда изменилось так резко, что Дэвид испугался за его сердце. Старшего брата вполне мог хватить удар – настолько его поразило увиденное.

– Это мои документы! – прошептал он, обводя взглядом рассыпанные бумаги.

За ним, поняв, что происходит что-то невероятное, зашла

Люси, ахнула и схватила мужа за руку, словно боясь, что он бросится на брата.

Тетушка Полли принялась бочком отступать к двери. Эдвард Кендел даже не заметил ее маневра.

– Дэвид, зачем ты это сделал? – с тихим ужасом спросил он. – Как ты посмел?

Тот в ответ молча усмехнулся с отчаянием проигравшего.

– Зачем? – вскричал Эдвард, переходя от изумления к бешенству. – Объясни мне, что ты искал?!

Дэвид молчал.

– Тетя Полли! – вспомнил Эдвард про его случайную общницу. – Вы-то что здесь делали?!

Мисс Парсонс пришлось на время приостановить отступление. Но если Эдвард надеялся припереть ее к стенке, то он просчитался.

– Не смей втягивать меня в ваши семейные склоки, – сварливо потребовала она. – Разбирайтесь сами, голубчики.

Она снова попыталась уйти, но на этот раз препятствием оказалась миссис Норидж. Хотя гувернантку никто не звал, она возникла в комнате будто бы из ниоткуда.

– Здесь скоро будет нечем дышать! – недовольно пробормотала тетушка Полли и отошла к окну.

– Дэвид, я не могу поверить, – Люси чуть не плакала. – Зачем?

– Я все потом объясню, – хрипло сказал Дэвид.

Но по его растерянному лицу было ясно, что сказать ему

ничего.

– Здесь же ничего нет, – пробормотал Эдвард. – Ни чековых книжек, ни акций...

«Ничего нет?» Дэвиду внезапно стало весело. То, что он искал, было в тысячу раз важнее чековых книжек.

– Тебя ждут гости, – сказал он и поднялся. Одинокий лист спланировал с его колен на пол.

Эдвард усилием воли овладел собой.

– В самом деле, – сухо сказал он. – Я пойду к ним. Мои друзья заслуживают внимания куда больше, чем ты. Но когда все закончится, я жду от тебя объяснений.

Он открыл дверь перед расстроенной женой.

– О, мистер Кендел! А мы повсюду вас ищем! – послышался притворно оживленный голос священника.

– А где ваш очаровательный брат? – прощепетала Дороти. Этого Эдвард не мог выдержать.

– Мой очаровательный брат покинет этот дом через два часа, – процедил он. – А пока, простите, Дороти, я не могу продолжать этот разговор.

Из комнаты послышался хриплый смех, и Дэвид издевательски крикнул:

– Что, мисс Уокер, не получилось из нас с вами пары? Сестра священника растерянно заморгала.

– Я потом вам все объясню. – Эдвард попытался увлечь их за собой.

Но его остановил голос молчавшей прежде гувернантки.

– Отчего же не сейчас, сэр?

Эдвард вернулся в комнату, где Дэвид потерянно сидел на полу в окружении бумаг, словно среди расколотых льдин. За ним осторожно заглянули его жена и священник с сестрой.

Гувернантка все так же стояла у стены, сложив руки на груди.

– К чему отсрочка, мистер Кендел?

– Что вы хотите этим сказать, миссис Норидж?

– Что картина произошедшего совершенно ясна. Равно как ясно, какой подарок я теперь могу с полным правом вручить вам.

Лицо Эдварда приобрело задумчивое и слегка отрешенное выражение. С таким лицом врач размышляет, обить ли подушками стены в палате пациента или хватит смиренной рубашки.

– Гнездо, пересоленный обед и бульдог – вот что дает нам ответы на вопросы, – продолжала миссис Норидж, нисколько не смущаясь от всеобщего молчания.

– Неужели? – выдавил Эдвард.

– Да, сэр. Ваша ошибка состоит в том, что вы не придаете внимания мелочам. По вашему мнению, маленькие поступки ничего не значат. Но это не так. Из любого маленького поступка выводится крупное событие, как по первой капле дождя можно предсказать приближающийся ливень.

– И что же вы предсказали? – неуверенно спросила Люси.

– Собственно говоря, все, – скромно ответила миссис

Норидж. – Первой каплей было гнездо. Оно пропало, исчезло без следа. Но это очень странно! Кто мог унести его и зачем? Я забралась на дерево и обнаружила, что с этой ветки прекрасно просматривается весь ваш кабинет, мистер Кендел. А, главное, та стена, где расположена дверь с кодовым замком. Я заметила, что, когда вы набираете код, панель с кнопками расположена справа от вас. Человек, стоящий за вашей спиной или, скажем, сидящий на ветке за окном, без труда мог бы разобрать цифры, если бы вооружился простейшим биноклем.

Мистер Кендел открыл рот и некоторое время стоял с глупейшим выражением на лице. Впрочем, похожее выражение присутствовало и на лице его жены.

– Гнездо мешало, поскольку возмущенные скворцы могли криками привлечь нежелательное внимание к наблюдателю, – продолжала миссис Норидж. – Поэтому от него избавились. Поняв, что должно последовать, я пришла к вам, сэр, и предупредила о возможной опасности.

– Но вы говорили что-то про обед! Про бульдога!

– Они тоже очень важны, – заверила гувернантка. – Опытная стряпуха может испортить еду, только если она чем-то расстроена. А ваша кухарка пересолила ее дважды! Она не призналась миссис Кендел, что ее так огорчило, из чего следует, что бедная женщина считала причину довольно постыдной. Хотя в том, чтобы потерять память, нет ничего стыдного.

– Потерять память? – ахнула Люси. – Наша Сьюзи теряет память?

– В том-то и дело, что нет, мэм. Кухарка так решила, потому что перестала узнавать людей. Вернее, одного человека. Он уже появлялся в вашем доме, и она видела его раньше, а в этот приезд решительно не узнала. Это настолько поразило ее, что она от расстройства пересолила еду.

– Ну что за глупости! – возмутился Эдвард. – Кого она могла не узнать?

– Бульдога, – буркнул Дэвид.

– Мой Гастон! – негодуяще воскликнула тетушка Полли. – Не впутывайте его!

Миссис Норидж обернулась к ней:

– Простите, мэм. Но он не ваш и не Гастон.

– Что?! – хором изумились Дэвид и Эдвард.

– Видите ли, я имела немало дел с собаками, – объяснила гувернантка. – Они могут иногда сбегать от хозяев. Но они не могут делать это постоянно. Ваш бульдог, мисс Парсонс, пытался удрать от вас с завидным упорством. Некоторое время я списывала все на печенье, которое осточертело несчастному псу. Пока до меня не дошло, что все гораздо проще. Дело в том, что вы ему не хозяйка.

Тетушка Полли поправила пенсне.

– Все-таки работа с детьми угнетает дух и разум, – сочувственно заметила она. Судя по лицам присутствующих, большинство было с ней согласно. – Откуда же у меня взял-

ся Гастон?

— Вы его украли, — невозмутимо сказала миссис Норидж. — Не знаю, где именно. Но бедный пес отчаянно рвался к прежним хозяевам, и в конце концов ему удалось сбежать от вас. Надеюсь, он нашел дорогу домой.

Мисс Парсонс закатила глаза.

— И эту женщину, Эдвард, ты допустил к своим детям! Украсть бульдога! Бог мой, зачем мне красть чужую собаку? Это не имеет ни малейшего смысла.

— О, нет, мэм, — возразила гувернантка. — Имеет, если человек, за которого вам нужно себя выдать, всегда ходил с бульдогом на поводке. Когда вы приехали, меня поразило совпадение вашего облика с тем, что нарисовал мистер Кендел. И лишь потом я поняла, что это было тщательно продумано.

— Подождите-подождите... — Дэвид даже привстал. — Что продумано?

— Образ старой ворчливой ханжи с поводком в одной руке и Библией в другой. И вы, и мистер Кендел последний раз видели вашу тетушку, когда были подростками. Мужчины могут не узнать даже хорошо знакомую женщину, если она наденет парик. Но обратное тоже верно: один человек легко может выдать себя за другого, если скопирует его типичные черты. Так появились вы, мисс Парсонс.

Гувернантка слегка поклонилась женщине, стоявшей у окна.

– Приклеили накладки на ваши зубы, безусловно, ровные от природы. Добавили седой парик, бородавки на подбородке, пенсне с толстыми стеклами... Надели старомодное платье, изменили голос. Вам ведь не больше тридцати, не так ли?

Мисс Парсонс промолчала. Ее глаза были устремлены на миссис Норидж, но выражение их скрывали стекла пенсне.

– Вы хотите сказать, это фальшивая тетушка Полли? – медленно проговорил Эдвард.

– Именно так, сэр.

– Но где же тогда, во имя всего святого, настоящая?!

– Убита? – глухо бросил Дэвид.

С губ Люси сорвался слабый вскрик.

– Нет-нет, – сказала миссис Норидж. – Вне всякого сомнения, настоящая мисс Парсонс сейчас находится в индийской больнице, куда попали жертвы крушения на железной дороге. Вы читали о нем: поезд сошел с рельсов, много раненых, есть погибшие. Вы, очевидно, ехали в одном купе с мисс Парсонс, но в катастрофе отделались легким растяжением. Она рассказывала вам о племянниках, а вы внимательно запоминали ее манеру речи и голос. Для вас не составило труда выдать себя за нее.

– Но кто она? – спросила Люси, переводя изумленный взгляд с гувернантки на тетушку Полли.

– Миссис Кендел, неужели вы ей верите? – возмутилась Дороти. – Мы много времени провели с мисс Парсонс. Она

та, за кого себя выдает!

– Она авантюристка и мошенница, – уверенно сказала миссис Норидж, – явившаяся сюда, чтобы получить то, что ей не удалось получить раньше.

– Все-таки ружья? – пискнул священник.

– Конечно же нет. Когда мисс Парсонс проникла в оружейную комнату, а затем покинула ее, ничего не взяв, мне стало ясно, что она ищет не оружие. Это подтверждала статья в газете: у якобы ограбленных коллекционеров ничего не взяли. Сначала мне казалось, что разгадка в иероглифах на ложе ствола. Возможно, думала я, иероглифы на всех пяти ружьях составляют что-то вроде указания, где искать, скажем, клад. Но затем мне стало ясно, что все значительно проще. Инструкция!

– Инструкция? – непонимающе переспросил Эдвард и обвел жалобным взглядом окружающих. – Но она-то здесь при чем?

Миссис Норидж выглядела огорченной его непонятливостью.

– Но ведь это вы, мистер Кендел, получив впридачу к ружью исписанную иероглифами тетрадь, решили, что держите в руках инструкцию. Если бы взялись переводить ее, то поняли бы, что это не так.

– Не инструкция? А что же?

– Это дневник, куда мастер Хаякава весь последний год записывал свои мысли и наблюдения. Всего существует три

тетради. Первые две были проданы с аукциона, но третью никак не могли отыскать. Дом старого мастера был разграблен, и грабители унесли тетрадь, не понимая ее ценности. Долгими путями она добралась до вас. Полагаю, что ее стоимость превышает стоимость всей вашей коллекции.

Тихий ошеломленный вздох пронесся по комнате.

– Этого не может быть, – прошептал Эдвард.

Миссис Норидж пожала плечами:

– У вас в руках ценнейший исторический документ, созданный непосредственным участником многих событий. Мастер Хаякава – легендарная фигура. Вы можете поинтересоваться, за какую сумму ушли с аукциона первые две тетради.

Женщина у окна издала негромкий смешок. От этого звука мороз пробежал по коже у всех собравшихся.

– Вы не тетя Полли, – тихо протянул Дэвид, глядя на нее чуть ли не со страхом. – У вас на лбу ни одной морщины. Почему я раньше этого не замечал?

– Боюсь, мистер Кендел, вас одурачили, как и всех остальных, – ответила гувернантка вместо тетушки Полли. – Но вы еще послужили котом.

– Кем?!

– Котом, который таскал для обезьяны каштаны из огня. Вспомните басню Лафонтена! Когда эта дама не обнаружила тетрадь там, где ожидала, она поняла, что искать надо в бумагах. Владелец, очевидно, не понимал ценности имеющейся

у него вещи и не прятал ее. Тут случилось непредвиденное: мистер Кендел внезапно сменил все замки. Но вы – человек, который еще в детстве без труда проникал в любой закрытый ящик и за любую запертую дверь. С помощью нехитрой ловушки ваша тетушка убедила вас вынести кипу документов, среди которых, как она надеялась, окажется и дневник.

– Постойте, – нахмурился Эдвард. – Что это за ловушка? Дэвид взглянул на брата и отвел глаза.

– Вам придется сказать, – мягко обратилась к нему гувернантка.

– Ваша правда, – вздохнул Дэвид. – Эдвард, я искал отчет частного сыщика, которого ты нанял, чтобы шпионить за мной.

На лице старшего брата выразилось такое удивление, что младшему захотелось рассмеяться от облегчения.

– Сыщика? За тобой? – озадаченно повторил Эдвард. – Зачем? Нет, постой! Зачем – понятно. Но почему ты бросился искать его выдуманный отчет? Ты же понимаешь, что я никого не нанимал?

– Теперь понимаю. Но час назад я был в ужасе.

Эдвард снова начал багроветь.

– Что ты такое сотворил, Дэвид?

Тот умоляюще взглянул на миссис Норидж.

– Вы ведь знаете?

– Конечно, – кивнула гувернантка.

– Кто-нибудь скажет мне, в чем дело? – прогремел Эдвард,

выведенный из себя.

– Это не так-то просто, сэр, – заметила миссис Норидж. – Если учесть ваше твердое намерение женить вашего брата.

– Бог мой, это здесь при чем?

Дэвид посмотрел ему прямо в глаза и твердо отчеканил:

– При том, что я женат.

И когда стихла суматоха, вызванная его словами, добавил с вызовом:

– И я не откажусь от жены, что бы ты ни пообещал мне. Так что даже не начинай.

Эдвард нащупал рукой стул, сел и вытер холодный пот.

– Женат! На ком?

– На девушке из бедной итальянской семьи. Я бы даже сказал, нищей. Но это ничего не значит. Я люблю ее, Эдвард.

– И поэтому не смогли разлучиться с ней даже на две недели, – негромко добавила миссис Норидж. – Вы привезли ее сюда, а с ней и старого слугу, которого мистер Эдвард принял за вашего пособника, и поселили их в деревне. Ваши ночные прогулки связаны вовсе не с кражей.

– О-о-о... – задумчиво протянул Эдвард, – а я еще начал слегка давить на тебя со свадьбой!

– Слегка? – фыркнул Дэвид. – Ты прямо сказал, что не дашь мне денег, если я преподнесу тебе еще какой-нибудь сюрприз. А деньги мне нужны, хотя бы на первые три месяца. Потом я и сам найду работу, но пока мы хотим уехать так далеко из Англии, как только сможем.

– Так ты боялся, что я узнаю о твоей тайной женитьбе и не дам тебе денег!

– От тебя всего можно было ожидать, – огрызнулся Дэвид. – Ради этого я пошел на кражу. Был уверен, что успею уничтожить отчет, взять у тебя деньги и исчезнуть, прежде чем сыщик придет другой экземпляра. А теперь оказывается, что никакого сыщика и вовсе не было.

– Но жена была! – обвиняюще воскликнула Дороти, указав на него перстом. – Как вы могли, мистер Кендел, сватать мне своего брата, если он женат?!

– Но ведь я не знал!

– И все равно! – упорствовала Дороти. – Зная вашего брата, вы должны были предположить такую возможность!

– Вы хотели нас обмануть, – поддержал ее священник и боязливо взглянул на миссис Норидж.

Как оказалось, страх его был оправдан. Миссис Норидж поджала губы и осведомилась:

– Мистер Уокер, но разве вы сами так чисты перед мистером Кенделом, как хотите представить?

Священник тут же замолчал.

– О чем вы? – удивился Эдвард.

– Сушая ерунда! – поспешно вскричал Персиваль. – Теперь, когда выяснилось, что для брака есть непреодолимая помеха, это не имеет никакого значения. Вы виноваты перед нами, мы виноваты перед вами, и на этом закончим.

– О, не совсем так, – сказала миссис Норидж. – Мистер

Кендел действительно ни в чем не виноват, потому что он даже не догадывался о том, что его брат женился. Но вы, вы с мисс Уокер имели отличное представление о проделках *вашего* брата.

– Как? У вас есть брат? – удивился Эдвард.

Дороти покраснела и взглянула на Персиваля.

– Наш брат – порядочный человек, – проблеял тот.

– Ваш брат – мошенник и вор, – поправила миссис Норидж. – Его портрет опубликован в той самой газете, которую вы собирались уничтожить. Следы фамильного сходства совершенно очевидны.

– Ой, в самом деле... – вдруг робко проговорила Люси. – В первый миг, увидев портрет, я подумала, что это вы, мистер Уокер. И ругала себя за эту мысль. Но я понимаю, почему вы скрыли правду. Вы хотели счастья сестре...

Персиваль горячо закивал.

– Боюсь, миссис Кендел, дело обстоит несколько прозаичнее, – вздохнула гувернантка. – Мистер Уокер рассчитывал на щедрое пожертвование со стороны вашего мужа. И, конечно, ему было лестно породниться с семьей Кендел.

– Вы не смеете оскорблять нас! – взвизгнула Дороти.

Но тут же притихла и отступила к брату.

Женщина у окна пошевелилась, и все взгляды устремились на нее. Миссис Норидж подошла ближе, с любопытством разглядывая ее, как разглядывают редкое животное.

– А теперь, будьте добры, верните тетрадь. – Она протя-

нула руку.

– С чего вы взяли, что она у меня? – чистым молодым голосом спросила «тетушка».

Люси вздрогнула и схватилась за мужа, Эдвард подался назад. Даже Дэвиду стало не по себе.

– Вы незаметно взяли ее, пока Дэвид искал несуществующий отчет. Для этого и была придумана вся история с частным сыщиком. Вы подловили Дэвида, подергали за нужные ниточки, словно кукловод, зная, что у него не будет времени копаться в бумагах, и когда он принес их сюда, вам оставалось только найти сам дневник. И вы его нашли. Уголок высовывается из-за вашего корсажа. А теперь верните его!

Миссис Норидж говорила не слишком настойчиво, даже вежливо. Но женщина отчего-то подчинилась. Она достала небольшую тетрадь и протянула гувернантке.

– Я говорила о подарке на ваше сорокалетие, сэр, – обернувшись к Эдварду, сказала миссис Норидж. – Вот он.

Эдвард благоговейно принял тетрадь, и все сгрудились вокруг него. Каждому хотелось видеть сокровище, стоившее дороже целой коллекции ружей.

Воспользовавшись этим, женщина у окна внезапно сорвала с головы парик, а в Дэвида, который молниеносно бросился к ней, швырнула пенсне. Под париком обнаружились короткие черные волосы, за линзами – хитрое маленькое личико с мелкими незапоминающимися чертами.

«Тетушка» вскочила на подоконник, толкнула неплотно

прикрытую створку и выпрыгнула из окна, прежде чем ее успели остановить.

– Господи, она разобьется! – крикнула Люси.

Но когда все подбежали к окну, их взорам открылась лишь россыпь осколков стекла, переливавшегося в свете фонарей. Мошенница исчезла.

– Как вы думаете, миссис Норидж, она вернется? – спросила Люси.

– Нет-нет, миссис Кендел, не думаю. Она проиграла.

– Но, возможно, ей захочется отомстить за поражение?

– Хм, – сказала миссис Норидж. – В этом случае вам тоже не о чем беспокоиться. Она будет искать только меня.

Во время всеобщего замешательства брат и сестра Уокер незаметно исчезли. Оглядевшись и нигде не обнаружив их, Эдвард подошел к Дэвиду.

– Ты женился, – растерянно проговорил он. – Не могу поверить.

– И теперь ты лишишь меня содержания, – почти весело предположил младший брат. – Послушай, мне нужны только деньги на билет. Я сам заработаю нам на жизнь.

Но Эдвард отрицательно покачал головой.

– Может быть, я и бесчувственный пень, как иногда утверждает Люси, но не такой, каким ты меня считаешь. Как ее зовут?

По губам Дэвида пробежала мечтательная улыбка, преобразившая его лицо.

– Летиция, – сказал он. – Это значит «счастье».

Поздно вечером, когда суматоха улеглась и все стихло, Эдвард Кендел спустился на кухню. Гувернантка была там – подогревала кастрюльку с молоком.

Эдвард встал в дверях, глядя на нее со смесью восхищения и непонимания.

– Как вы догадались, миссис Норидж? – без предисловия спросил он.

Гувернантка обернулась.

– Сэр?

– Я не усну, пока вы не объясните мне!

– Но ведь я рассказывала вам о гнезде, о кухарке...

– Да-да, и о бульдоге, – подхватил он. – Нет, миссис Норидж, я не об этом. Как так получилось, что мы, видевшие то же, что и вы, даже не заподозрили, что нас обманывают? А вы раскусили это дело как спелый орех. В чем секрет, признайтесь?

Миссис Норидж взглянула на него. Но если она и вспомнила, как скакала в развевающейся ночной рубашке по полям и оврагам за удирающим бульдогом, а все лишь потому, что забыла выпить на ночь свое молоко, то на ее непроницаемом лице ничего не отразилось, когда она сказала:

– Возможно, сэр, все дело в том, что у меня есть принципы.

Роб Хэмиш, трус

Роб Хэмиш был трус.

Миссис Норидж слышала об этом прискорбном факте и прежде, но в то воскресное утро ей представилась возможность собственными глазами убедиться в правдивости слухов.

Сперва гувернантка, идущая в церковь, услышала лай. Это был гулкий басовитый лай очень злобной собаки, весьма крупной, судя по голосу. Затем до нее донесся быстрый топот или, скорее, быстрое *шлеп-шлеп-шлеп* по мощеной улочке, и из-за угла дома вылетел невысокий человечек в сбившемся набок котелке. Он мчался со всех ног, бросая назад перепуганные взгляды.

А спустя несколько секунд из-за поворота показался его преследователь.

Это был чрезвычайно рассерженный и чрезвычайно маленький терьер размером с кошку. Он подпрыгивал, как мячик, заранее скалил зубы и время от времени издавал тот самый свирепый гав, по которому его можно было принять по меньшей мере за дога.

Любой другой житель Сетфорда давно бы остановился и дал псу хорошего пинка. Но его несчастной жертве, похоже, это и в голову не приходило. Человечек на полной скорости пронесся мимо миссис Норидж, и на лице его были написа-

ны ужас и предчувствие неотвратимой гибели. С таким лицом индийский крестьянин мчится по джунглям от голодного тигра, чье дыхание уже обжигает его затылок.

Миссис Норидж в любую погоду брала с собой зонтичность. Этот день не был исключением. Дождавшись, пока терьер поравняется с ней, она взмахнула зонтом и с ловкостью зацепила шею песика изогнутой ручкой.

Это простое действие возымело невероятный эффект. Терьер взлетел вверх, нелепейшим образом перевернулся в воздухе, размахивая всеми четырьмя лапами, и приземлился на хвост в нескольких шагах от гувернантки. После чего, не теряя ни секунды, вскочил и, заскулив, бросился в противоположную сторону. Его обиженный визг стих в лабиринте сетфордских улиц.

– Хм! – удовлетворенно сказала миссис Норидж.

Она уже собиралась проследовать своим путем, но тут из-за забора высунулся беглец.

Господь нарисовал Роба Хэмиша тонкими черточками. Так дети на мокром песке рисуют палочкой человечков. Бледный, с большим кадыком и тощей шеей, Хэмиш в своем котелке смотрелся нелепо, как будто на голову ему водрузили кастрюлю.

Приблизившись к гувернантке, он рассыпался в горячих благодарностях.

– Меня, мэм, собаки цапали в детстве, – бормотал он, чувствуя потребность оправдаться за свое постыдное бегство. –

Вот я и боюсь их почище, чем шершней. Шершни-то меня тоже кусали.

Судя по поведению Хэмиша, в детстве его кусали все: собаки, пчелы, муравьи и даже чайки. В воде его кусали рыбы, в лесу он только и успевал уворачиваться от клыкастых ежей. Потому что Хэмиш боялся всех. Даже безобидные ужи, с которыми играли мальчишки, вызывали у него страх.

Но самым ужасным существом, его мучителем и тюремщиком, вне всяких сомнений, была его жена.

– Роберт Диксон Хэмиш! – раздавался раз в неделю ее свирепый глас.

И все обитатели городка прятались по домам. Если Нэнси назвала муженька полным именем, значит, он опять в воскресный вечер просиживает штаны в пабе, а она идет за ним со скалкой в руках.

Характер Нэнси Хэмиш, в девичестве Нэнси О’Брайен, был подобен урагану. Толстая рыжеволосая ирландка могла смести все на своем пути. И горе было тому, кто осмеливался появиться невовремя на ее дороге.

– Ох, и свирепая же она баба! – сказала Абигайль, разливая чай. – И как он только женился на ней? Должно быть, Нэнси душила его, пока бедный Хэмиш не согласился.

Они сидели с миссис Норидж на кухне. Их воспитанницы были уложены, и молоденькая няня с гувернанткой наконец-то могли выпить чаю в тишине.

– Возможно, это брак изменил ее характер к худшему, – предположила миссис Норидж.

Абигайль воззрилась на нее и прыснула:

– Думаете, в юности Нэнси была нежной фиалкой? Как бы не так! Сказать по правде, с Хэмишем она стала поспокойнее. Раньше-то, чуть что, пускала в ход кулаки. Ее раз пять забирали в участок за драки с другими работницами! Они с Робертом и познакомились на фабрике.

– Разве мистер Хэмиш тоже работает на мануфактуре?

– Он укладчик ткани. – Абигайль сморщила нос, выражая презрение. – Когда Роберт женился на Нэнси, был большой скандал. Она ведь ему не пара. Ее папаша – пропойца, а мать перебивалась поденной работой, пока не померла.

Миссис Норидж знала, что Хэмиши прежде пользовались уважением. Когда-то это был крепкий фермерский род, и многие сожалели, что он выродился до такого ничтожества, как Роберт.

– Она и в юности была такая же, – осуждающе сказала Абигайль, – бешеная толстуха с морковной шевелюрой. Иной раз даже жаль становится Хэмиша. А потом посмотришь на него и думаешь: да и поделом ему, такому трусу.

Всего две недели спустя после этого разговора Сетфорд потрясло ужасное событие.

На ткацкой мануфактуре после окончания рабочего дня случилась драка. Позже никто толком не мог вспомнить,

с чего все началось. Перепалка вспыхнула из-за чьего-то неосторожно брошенного слова. Слово тут же подхватили, перекинули друг другу, точно обжигающий красный уголь, и мгновение спустя уже запылал огонь драки.

Нэнси Хэмиш оказалась в самой ее гуще. Управляющий, увидев, что происходит во дворе, без колебаний приказал окатить толпу из брандспойта. Он знал, что женщины дерутся безжалостнее и отчаяннее, чем мужчины, и что надеяться на мирный исход сражения не приходится.

Но даже опытный управляющий не ожидал, чем все закончится.

Когда работницы с визгом разбежались, одна осталась лежать неподвижно.

Она была мертва.

Убитую звали Молли Тобин, и она считалась злейшим врагом Нэнси Хэмиш. В драке кто-то сбил Молли с ног и разmozжил ей голову о металлический столбик ограждения, торчавший из земли.

Двадцать человек видели, как Нэнси с воплем ворвалась в толпу, где сражалась ее противница, и еще десять могли подтвердить под присягой, что видели, как она нанесла зверский удар.

Именно это они и сделали – подтвердили под присягой. После чего суд, учитывая биографию обвиняемой, приговорил Нэнси Хэмиш к пожизненной каторге за преднамеренное убийство.

Не меньше месяца эта новость была у всех на устах. Кто-то жалел убийцу, но таких было меньшинство. Большая же часть горожан искренне радовалась, что Сетфорд избавился от бешеной Нэнси. Она бы все равно рано или поздно кого-нибудь прикончила, не Молли Тобин, так собственного мужа – таков был всеобщий вердикт.

Для этого были все основания, даже если не брать в расчет скалку. За несколько дней до случившегося Нэнси в ярости поранила Хэмишу ухо садовыми ножницами, и на суде он стоял с забинтованной головой. Это стало последним аргументом для судьи.

После вынесения приговора Роб Хэмиш пару дней ходил тихий и отрешенный. «Не верит собственному счастью», – шептались вокруг. Кто-то предлагал спор, женится ли Хэмиш еще раз, но дураков держать пари не находилось. Хэмиш только благодаря улыбке фортуны вырвался из крепких уз брака и вряд ли торопился связать себя новыми.

Но очень скоро задумчивость Хэмиша сменилась откровенной радостью. Наконец-то он поверил, что пришел конец его мучениям, и расцвел, как гиацинт в апреле. Роберт улыбался, шутил и выглядел узником, перед которым внезапно распахнулись двери тюрьмы. В тот самый день, когда эти двери закрылись за Нэнси Хэмиш, он на радостях уехал в Шеффилд – гулять и кутить.

Жители Сетфорда, глядя на его бесхитростное счастье,

сменили презрение на жалость.

– Видно, крепко Нэнси его держала, – посочувствовал один. – Будешь тут всех бояться, когда собственная супруга может изрезать тебя на кусочки.

– Или придушить, – поддержал другой. – У нее кулачищи с баранью голову, а у Хэмиша шея, как у цыпленка.

– Такая могла и ножом пырнуть, – сказал третий. – Его счастье, что он от нее избавился.

Теперь-то люди осознали, каково приходилось Робу Хэмишу все эти годы.

– А ведь, пожалуй, оно и к лучшему, что он ни разу не дал ей сдачи, – задумчиво проговорил четвертый. – Иначе мы бы с вами произносили эти речи на его могиле. Зря мы смеялись над ним. Он, конечно, трус, тут спору нет. Но не всем же быть смельчаками.

И все сошлись во мнении, что нужно быть снисходительнее к бедняге, которому и так досталось.

Никто и не догадывался, какой сюрприз преподнесет им Роб Хэмиш.

На другой день после его возвращения из Шеффилда каждый, проходивший мимо фермы Хэмишей, мог наблюдать в приоткрытое окно удивительную картину.

В кухне Роба хлопотала женщина. Кудри ее были неестественно желтого цвета, а губы алели от толстого слоя помады.

Быстрее ветра город облетела невозможная новость: Роб Хэмиш привез из Шеффилда...

— ...Падшую женщину! — выдохнула Абигайль и густо покраснела. — Да-да, миссис Норидж, и не смотрите на меня так! У нее крашенные волосы, и она размалевана, как... как...

Тут стыдливость Абигайль взяла верх, и девушка убежала.

— Хм... — удивленно сказала миссис Норидж.

По Сетфорду поползли шепотки, и очень скоро известие подтвердилось. Сам Хэмиш отпирался до последнего, но когда его прижали к стенке, заявил, что с ним приехала дальняя родственница, чтобы поддержать в его горе. Как ее зовут? Пенни. Пенни... э-э-э... Хэмиш.

Родственница отчего-то не пожелала быть представленной горожанам. Но Хэмиша это не смущало. Теперь после рабочего дня он мчался домой на всех парах, и вид у него был неприлично довольный.

Мужчины, пожалуй, где-то даже понимали Роба Хэмиша. Кое-кто прямо говорил, что Роб, может, и трус, но устроился неплохо. А семидесятилетний рыбак Хью Шелт, богохульник и сквернослов, и вовсе заявил без обиняков:

— Да здесь полгорода были бы рады сменить своих благоверных на шлюх! Уж я-то точно не возражал бы, если б мою постель согревала горячая девчонка, а не эти дребезжащие кости!

Но за такие кощунственные слова был гоним миссис Шелт до самой заводи, откуда ему пришлось улепетывать по воде

на своей лодчонке.

Возмущению женщин не было предела. Привести девицу легкого поведения в осиротевшее гнездо! Для этого нужно быть законченным мерзавцем. Так считали все горожанки, они громогласно провозгласили это, и их мужья не осмелились им возразить.

Ведь и в самом деле – во что превратился бы Сетфорд, если бы каждый мог жить с кем ему захочется?! В прибежище греха. В притон, где попорана мораль!

Перед Робом Хэмишем закрылись двери тех домов, где прежде его принимали. Однако, к негодованию общества, на Хэмише это никак не отразилось. Он по-прежнему выглядел ликующим и жизнерадостным, точно наевшийся гусениц дрозд.

Этого общество простить не могло. Теперь и мужчины негодовали вслед за женами. А если к их праведному гневу и примешивалась толика зависти, она была хорошо скрыта за возмущенными речами.

Некоторые даже предлагали пойти и исписать стены дома Хэмиша ругательствами. Однако эта идея не получила поддержки. Всем было ясно, что при первом же шуме за окном Роб удерет в дальний лес, точно заяц.

Трусость Роба сослужила ему хорошую службу. Будь на его месте обычный человек, кто-нибудь уже подпалил бы ему забор. Но связываться с Хэмишем, дрожавшим даже при виде осы, мужчины считали ниже своего достоинства.

Поэтому город зажил прежней жизнью, делая вид, что ничего не произошло. Дом труса стоял на отшибе, и его нетрудно было обходить стороной.

Скоро судьба вновь столкнула миссис Норидж с Робом Хэмишем.

Гувернантка отправилась в посудную лавку за новой чашкой и по дороге стала свидетельницей неожиданной сцены.

Роб семенил по дальней дороге, направляясь к рынку. Он старался избегать тех мест, где собирались мальчишки. С недавних пор дети часто кричали ему вслед гадости. «Муж убийцы! Муж убийцы! Дай нам вкусные гостинцы!»

Но ком грязи полетел в его спину впервые.

Миссис Норидж знала хулигана. Это был шестилетний Питер, сирота, вечно отиравшийся на улицах. Ночевал он где придется, ел то, что удастся стянуть. Время от времени под нажимом возмущенных граждан мальчишку нехотя брала к себе дальняя родственница, одинокая старая дева. Но ее воспитание, в основном, сводилось к порке. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Питер удирал от нее при любом удобном случае.

Именно его рука и запустила в Хэмиша грязью.

Коричневый ком ударил в плечо Роба и медленно стек вниз по рукаву, оставляя за собой сочный жирный след. Хэмиш вскрикнул и замер. Замер и хулиган. Миссис Норидж на другой стороне улицы остановилась.

Секунду мальчишка стоял в нерешительности. Ему было ясно, что он перешел границу допустимого. Но потом отчаяние промелькнуло на перепачканном лице, и он выкрикнул писклявым голосом:

– Так тебе и надо, муж потаскухи!

И юркнул в щель между домами.

Если бы Питер лучше знал эту часть города, он никогда бы не стал удирать таким путем. Потому что узкая дорожка, пропетляв между дворами, выводила беглеца к углу следующего дома.

Роб Хэмиш был отлично об этом осведомлен. Он прошел вперед, встал перед проулком и дождался, пока ошарашенный Питер вылетит прямо на него.

Мальчишка от ужаса шмякнулся на дорогу, не сомневаясь, что теперь-то его точно ждет расплата. Грязное пятно на пиджаке Роба Хэмиша так и взывало об отмщении.

Миссис Норидж приготовилась вмешаться.

Роб Хэмиш наклонился к мальчугану, вытащил из кармана носовой платок не первой свежести и тщательно оттер маленькие грязные ладошки. После чего пошел дальше, как ни в чем не бывало.

– Хм, – сказала миссис Норидж.

На Питера действия Хэмиша произвели поразительное впечатление. Он долго сидел, будто не в силах поверить, что его и пальцем не тронули. А затем поднялся и медленно двинулся вслед за Робом, точно загипнотизированный.

Потом миссис Норидж еще несколько раз встречала их. Хэмиш ли от скуки взял мальчишку под опеку, или же, что вернее, Питер прилепился к такому же отверженному, как и он сам, но только этих двоих нередко можно было видеть вместе на речке, рыбающими в утренней тиши, или на поляне, запускающими воздушного змея.

Казалось, жизнь постепенно возвращается в свое русло. Женщина Хэмиша очень редко показывалась в городе, и понемногу на их сожительство стали закрывать глаза.

Поэтому известие о гибели Нэнси грянуло, как гром среди ясного неба.

Хэмиш на несколько дней уезжал из города по делам, а когда вернулся, его ждала ужасающая новость.

– Двадцать заключенных вывели из тюрьмы, чтобы доставить до пересылочного пункта, а там уже отправить на ка-
торгу, – рассказал ему констебль. – Повозка ехала по мосту, и вдруг лошадей что-то испугало. Они понесли, повозка раз-
билась, и все, кто там сидел, кинулись врассыпную. Понят-
ное, дело, их быстро переловили. Всех, кроме Нэнси.

Как выяснила миссис Норидж, отчаянная ирландка за-
прыгнула на перила моста и сделала попытку перебраться по
ним на дальний берег. Но оступилась и рухнула в воду.

– Течение там быстрое, а вода ледяная, – сказал усатый
констебль. – Она утонула, тут нет сомнений.

– Но тело не нашли, – уточнила миссис Норидж.

Усач вынужден был нехотя подтвердить, что это так.

– Значит, есть шанс, что она жива и невредима, – развила свою мысль миссис Норидж.

– Мэм, она мертва! Была бы она жива, ее бы давно выдали полиции. Знаете, сколько полагается тому, кто поймает беглого преступника?

– Но если все же допустить, что Нэнси Хэмиш осталась жива, – вежливо сказала миссис Норидж, не обращая внимания на то, что констебль начинает багроветь, – и она раздобудет деньги и одежду, то как вы полагаете, что она станет делать?

И тут полицейский задумался. Он почесал нос, наморщил лоб и поскреб затылок.

Итог этих размышлений удивил его самого.

– Я бы сказал так, мэм: если все же чудо случилось, и Нэнси Хэмиш осталась жива, то она заявится сюда. Это уж как пить дать. Придет по душу Роба. Она себя не пожалеет, лишь бы расправиться с ним. Такая уж она бешеная, эта Нэнси.

– Благодарю вас, констебль, – кивнула миссис Норидж. – Я так и предполагала.

Большинство жителей города, узнав об обстоятельствах побега, выражали уверенность, что Нэнси мертва.

Лишь один человек не сомневался в обратном – Роб Хэмиш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.